

УДК 321.01

Матюхин А.В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ К.Д. КАВЕЛИНА

A. Matykhin

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

THE METHODOLOGY OF K.D. KAVELIN'S POLITICAL REFORMS

Аннотация. В статье исследуется методология политических реформ яркого представителя русского консервативного либерализма XIX в. К.Д. Кавелина. Данная методология являлась самобытным вариантом постепенной либеральной модернизации России «сверху», основанной на принципах эволюционной трансформации социально-политических институтов. Теоретический подход К.Д. Кавелина на системном уровне альтернативен той разрушительной программе реформ, которая в современной России обозначается как «либеральная».

Ключевые слова: методология, реформы, консервативный либерализм, радикализм, самодержавие.

Abstract. The article explores the methodology of political reforms of K.D. Kavelin, a brilliant representative of the Russian conservative liberalism of the XIX century. This methodology was an original variant of the progressive liberal modernization of Russia «from above», based on the principles of evolutionary transformation of the socio-political institutions. At the system-level K.D. Kavelin's theoretical approach is an alternative to the destructive program of reforms, which in modern Russia is referred to as «liberal».

Key words: methodology, reform, conservative liberalism, radicalism, autocracy.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – выдающийся политический мыслитель, историк, правовед. Он (наряду с М.М. Сперанским, В.О. Ключевским, Б.Н. Чичериным) являлся ярким представителем русского консервативного либерализма XIX в. [11, с. 66]. Это идейное направление, родившееся в условиях самодержавия, жесткого сословного строя и крепостного права, сразу приобрело своеобразный «верноподданнический» характер, но не из любви к монархии, а из понимания настоящей необходимости реформирования России в сотрудничестве с властью, при постепенном интеллектуальном и моральном влиянии на нее. Современный российский исследователь С.С. Секиринский весьма оригинально называет это «проповедью у трона» [10, с. 92].

Путь к воплощению либеральных ценностей предполагалось осуществить при помощи монархии и традиционных властных механизмов, а также с учетом обычного права как органического правосознания, характерного для подавляющего большинства населения России. Постепенное реформирование с сохранением и при помощи привычного для национально-менталитета главного политического института виделось как наиболее оптимальное, позволяющее избежать радикальных тенденций и неблагоприятных, болезненных процессов в российском обществе. Поэтому к сохранению монархии К.Д. Кавелин подходил скорее прагматически. Он был уверен, что проведение либеральных реформ потребует одновременно прочного и законного порядка, обеспечить который в российских условиях может только сильная монархическая власть. Увязывая монархизм и основной принцип либерализма – свободу, Кавелин замечал, что Россия могла бы показать «невиданный пример самодержавной и в то же время свободнейшей страны мира» [1, с. 10].

В этой связи необходимо отметить, что либерализм в России XIX в. был весьма неоднородным явлением. Направлению консервативного либерализма противостоял либерализм радикальный. Ключевую роль здесь играли представители либерального дворянства и «лица свободных профессий» – журналисты, литераторы, адвокаты, присяжные, либеральная профессура, приват-доценты, учителя гимназий, а также земские деятели. Радикальные российские либералы – это своеобразные фанатики либеральных идей и принципов, воспринятых как абсолюты из западной политической литературы. Отсюда и безусловная вера радикалов в действенность и логику политических учреждений, прежде всего, парламента западного типа, неприятие традиционной российской монархии и требования ускоренного введения конституции.

Именно вопрос о конституции, точнее о несвоевременности ее введения в России, является важнейшим элементом понимания методологии реформ консервативного либерализма XIX в., представленного, в частности, теорией К.Д. Кавелина. При этом необходимо отметить, что конституционный строй в России всегда оставался для него стратегической целью, конечным пунктом преобразований, начатых под руководством Александра II. Но понимая российские реалии, Кавелин именно через устранение «резких движений» хотел видеть процесс реформирования России целенаправленным и необратимым, закрепляющим преобразования 1860-х гг. По его мнению, необходимо длительное время укоренения в российской почве новых гражданских институтов и ценностей, что постепенно, поэтапно обеспечит эволюцию страны к полноценному правовому государству и либеральным свободам.

Поэтому для К.Д. Кавелина было неприемлемо форсирование конституционной реформы, сам радикализм подхода к введению конституционного строя и института народного представительства. Он полагал, что немедленное ограничение посредством конституции и законодательного органа традиционных полномочий монархии способно

свернуть позитивные процессы реформирования российского общества и серьезно дестабилизировать ситуацию в стране. Гораздо большее значение они придавали развитию институтов местного самоуправления, постепенной подготовке народа к политическим и гражданским свободам, а также выработке им правовых навыков. В случаях неизбежных напряжений в обществе, обусловленных спецификой переходного периода, именно в самодержавии он видел на ближайшую историческую перспективу наиболее надежный, проверенный историей инструмент разрешения социальных противоречий и конфликтов.

Методология реформ К.Д. Кавелина являлась своеобразным вариантом постепенной либеральной модернизации России «сверху», где при инициативной роли монархии первоначально предполагалось реализовать такие насущные задачи, как судебную реформу, развитие народного просвещения, расширение гласности, преобразования в финансовой сфере, утверждение системы самоуправления в провинциях [2, с. 152]. Называя идею немедленного ограничения русской монархии народным представительством «конституционной ложью», Кавелин отмечал: «Крепко и здорово устроенный суд, да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересует единства государства, в управление местным жителям – вот на очереди три вопроса. Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию. За разрешением их конституция пришла бы сама собою как необходимое последствие» [8, с. 48].

К.Д. Кавелин особо акцентировал внимание на функциональном предназначении местного самоуправления для успешного реформирования страны. Он, в частности, проецировал роль и значение земских учреждений на общественно-политический облик будущей России, рассматривая вопрос в четырех ракурсах. Во-первых, развитие земского самоуправления будет сопряжено с хозяйственным и культурным подъемом провинциальной России – задача земских учреждений определялась как «поднятие

местной жизни [4, т. 2, с. 777]. Во-вторых, активное участие населения в местном самоуправлении преодолет межсословные, межклассовые противоречия, возникнут прочные условия сплочения общества на основе единых задач. В-третьих, появятся действенные общественные механизмы контроля над административной властью на местах. В этом случае чиновники исполнительной власти «не будут безусловными господами и повелителями». И, в-четвертых, возникнут условия отбора и рекрутирования в российскую политическую элиту дееспособных представителей народа. Кавелин отмечал: «Местное самоуправление образует и выдвинет вперед многознающих, практических, опытных людей» [4, с. 778]. Он также подчеркивал, что когда в российских провинциях образуется «просвещенный, умный и достаточный класс, около которого сгруппируются местные элементы, – центральная бюрократия волей-неволей должна будет относиться с уважением к обществу» [5, с. 176].

В этой связи К.Д. Кавелин указывал на необходимость существенных изменений содержания и механизмов деятельности государственного аппарата в условиях реформирования российской монархии: «Не самодержавие, – отмечал он, – а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы» [1, с. 9]. Кавелин полагал, что реальную власть в стране сосредоточил высший слой российской бюрократии – «камарилья». Он так характеризовал положение дел в государственном управлении: «Вся администрация сосредоточена у нас в единоличных органах власти, в руках министров и равных им чиновников, которые в действительности ничем не ограничены и действуют по-своему усмотрению, не стесняясь законами... Каждое ведомство старается только о том, чтоб угодить своему начальству, выгородить его и себя, а до общего дела, до общей пользы, никому нет дела» [7, с. 72].

Пытаясь найти эффективные механизмы ограничения традиционной правительственной бюрократии в России, К.Д. Кавелин пред-

ложил своеобразную трактовку принципа разделения властей. Он, в частности, отмечал: «Законодательная и судебная власть должны быть высвобождены из-под теперешней рабской зависимости от администрации и получить вполне самостоятельное значение» [3, с. 65-66]. Однако действенность подобного ограничения абсолютизма бюрократии он, с одной стороны, связывал с полномочиями российского монарха, а с другой – с контролем общественного мнения за исполнительной властью. Он полагал, что необходимо не столько строгое разделение различных ветвей власти, сколько «смешивание» правительственных чиновников с выборными представителями народа в различных государственных инстанциях и учреждениях.

С этой целью Кавелин предложил оригинальный проект организации трех Сенатов – Административного, Законодательного и Судебного – которые должны были стать независимыми друг от друга, но не могли ограничивать верховную власть [4, т. 2, с. 964]. Административный Сенат соединял бы в себе функции трех существовавших в то время органов – Государственного Совета, комитета министров и первого департамента Правительствующего Сената. Он должен был на 1/3 назначаться императором, на 1/3 состоять из выборных от губернских земств, а оставшаяся 1/3 часть формировалась бы из специалистов, определяемых самим Административным Сенатом. Предполагалась ликвидация системы министерств – включая министерство внутренних дел, которое, «управляя, вместе с цензурой, земствами, городами, и полицией безопасности и спокойствия, невольно переносит в исчисленные отрасли управления полицейские взгляды, подчиняя их полицейским целям, к несомненному и очевидному вреду государства» [4, т. 2, с. 988]. Все существовавшие министерства должны были влиться в структуру Административного Сената, за исключением четырех ключевых – военного, морского, иностранных дел и императорского двора. Сенаторы должны быть несменяемы (кроме случаев суда за доказанные уголовные преступления), им

гарантировалась свобода выражения мнений. Главной функцией Административного Сената являлось доведение до сведения императора различных фактических данных о реалиях государственной жизни. Здесь должны заслушиваться отчеты министров, производиться ревизии административных учреждений, представляться соображения о необходимых законодательных актах [4, т. 2, с. 897-902]. Аналогичным образом должны быть созданы местные Губернские Административные Советы, сформированные как из представителей казенных ведомств, так и из выборных от местного населения. Состав Законодательного и Судебного Сенатов также предполагал смешение государственных чиновников и земских выборных, а императорской власти отводилась роль общей координации государственной деятельности. «Сама история, – отмечал Кавелин, – заставляет нас создать новый, небывалый, своеобразный общественный строй, для которого не подыщется другого названия, как самодержавная республика» [2, с. 436].

Кавелин говорил о необходимости постепенных реформ, пусть медленных, но мирных. Даже при ясности стратегических целей крайне важна тактическая умеренность и осторожность, методика постоянного согласования задач и политических средств с изменяющимися условиями реформируемого общества. По его мнению, залогом этих либеральных эволюционных преобразований – по традиции русской истории – должен быть царь и народная вера в него. «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный» [9, с. 596] – писал Кавелин и высказывал убеждение, что на современном этапе необходима сильная и легитимная монархия, способная обеспечить твердый порядок и постепенное движение по пути реформ. «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране, – отмечал Кавелин, – взамен произвола и хаоса, по самому существу дела, должны предшествовать политическим гарантиям» [2, с. 153].

Кавелин считал, что пока в стране нет достаточных предпосылок ускоренной организации институтов правового государства. Эти предпосылки постепенно предстоит только сформировать. Он замечал: «Россия еще во всех отношениях печальная пустыня: ее надо сперва возделывать, начиная дело снизу, а не сверху» [2, с. 157]. Российское общество (особенно крестьянство) еще не вполне созрело для полноценных политических свобод, низка общая политическая культура, отсутствует правовое мышление населения, нет и необходимых законодательных основ.

Кавелин полагал, что без кропотливого политического просвещения и воспитания народа, без формирования его политико-правовой культуры поспешное, непродуманное учреждение конституции и представительного правления превратится «в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» [4, т. 2, с. 137-138]. Это явится лишь иррациональным поклонением либеральным принципам взамен реальной практической работы на будущее. Но Кавелин подчеркивал, что без анализа и учета реальности любой принцип становится абстракцией – «если он не уложен в данные условия, не одет в плоть и кровь, другими словами, если точно не измерены и не взвешены средства и условия, данные действительностью, в какой мере применим и какими путями может быть водворен, проводим, осуществим этот принцип» [9, с. 599].

В процессе либеральных реформ необходима гармония усилий властвующей элиты и всего российского общества. Поэтому ключевым моментом успешных преобразований является сознательное преодоление возможностей любой конфронтации правительства и народа, так как по своей природе – это две взаимозависимые части, «две стороны одного и того же государственного организма, две расчлененные его функции» [4, т. 2, с. 920]. Кавелин отмечал: «Не противопоставление власти народу, а их совокупное действие, направленные к одной цели, – вот на что указывает все наше прошедшее. Кооперация сил, а не борьба их, различение функций народного

организма, а не противопоставление их друг другу, – вот задача, поставленная всем народам в будущем» [4, т. 2, с. 939].

Являясь одним из идеологов «западничества», Кавелин выражал уверенность, что в процессе постепенности, органичности соединения универсальных либеральных ценностей со своеобразием национального развития, Россия придет к государственному устройству, аналогичному европейскому. Он был убежден, что стратегическая цель и российской, и западной эволюции общественной жизни одна – развитие гуманитарного начала, развитие человеческой личности и гражданских свобод. При этом Кавелин посвоему выявлял отличие истоков европейской и русской истории: у германских племен личностное начало уже было сформировано под воздействием греко-римского мира и западного христианства – его необходимо было только дальше развивать, доводить до совершенства. В то время как у русско-славянских племен начало личности отсутствовало – и его необходимо было создать. И эту созидательную роль Кавелин отводил русскому государству, но «под влиянием европейской цивилизации» [2, с. 168]. Он считал, что отличие российской истории от европейской состоит в том, что на Западе все преобразования проводились «снизу», а в России – «сверху», по инициативе и активной созидательной роли государственной власти.

В политических идеях Кавелина четко прослеживается мысль о том, что альтернативой постепенности реформ может быть только революционное, анархическое разрушение органического строя жизни, государства, культуры. В процессе этого разрушения могут быть похоронены надежды на эффективные преобразования, а «русский бунт», скорее всего, закончится гораздо более жестким, более деспотическим, по сравнению с предыдущим, режимом правления. Как отмечает В.В. Леонтович, «либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государ-

ственной власти, – т.е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций» [6, с. 21-22].

Неприятие революции как способа разрешения общественных противоречий, стремление ее предотвратить путем «сглаживающей», опережающей государственной реформы «сверху» – сущностный признак методологии реформ К.Д. Кавелина. Для него неприемлемы революционное мышление и радикализм общественных преобразований. Он считал безнравственными и преступными сами попытки насильственного навязывания обществу осуществления любого политического идеала. Революции он называл злом «чуть ли не большим того, которое ими устраняется» [4, т. 2, с. 891]. Кавелин ставил под сомнение историческую целесообразность и плодотворность «революционных скачков» к новым реалиям: «Фокусам-покусам радикального превращения народов из одной формы в другую в 24 часа, – этому я не верю» [8, с. 57]. Он был уверен, что «царство справедливости» нельзя построить на насилии и крови, а любая революционная встряска способна обернуться ответной деспотической реакцией. «Революции, – писал Кавелин, – всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным» [2, с. 429].

В этой связи необходимо отметить, что Кавелин рассматривал революционную и консервативно-самодержавную (нелиберальную) идеологии во взаимной зависимости – как две стороны медали социального негатива, с точки зрения успешного политического реформирования. Консерватизм им оценивался как серьезный фактор сдерживания поступательного прогресса общества, что в свою очередь грозило революционным взрывом. Кавелин считал, что жесткий, охранительный консерватизм существует в любом обществе лишь потому, «что нет в

виду лучшего или еще не выяснилось, как к нему перейти». Он полагал, что сам по себе консерватизм, не осложненный либерально-реформаторской целесообразностью, принципиально антимодернизационен: «Не неся с собою никакой доктрины, никаких принципов, он лишен положительного содержания и оказывается немощным перед напором народившегося и возмужавшего нового, когда час его приспел... Консерватизм силен незрелостью будущего по сравнению с настоящим и существующим» [2, с. 506].

Теория Кавелина – это обоснование некоего компромиссного, срединного между крайностями пути общественных преобразований, где отдается приоритет постепенной, эволюционной трансформации социально-политических институтов. Методология политического реформирования российского общества, предложенная К.Д. Кавелиным, представляется весьма актуальным и позитивным явлением еще и потому, что она на системном уровне альтернативна той разрушительной программе реформ, которая в современной России обозначается как «либеральная».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Из писем К.Д. Кавелина к гр. Д.А. Милютину // Вестник Европы. 1909. – № 1.
2. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – 656 с.
3. Кавелин К.Д. Политические призраки. – Берлин, 1878. – 125 с.
4. Кавелин К.Д. Собрание сочинений в 4 тт. – СПб., 1898.
5. Корсаков Д.А. Материалы для биографии К.Д. Кавелина // Вестник Европы. – 1886. – № 11.
6. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. – М., 1995. – 550 с.
7. Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского либерализма (XIX-начало XX вв.) – М., МГОУ, 2008. – 148 с.
8. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева, 1892.
9. Письма Кавелина к Грановскому / Публикация Ш.М. Левина // Литературное наследство. Т. 67. – М., 1959. – 800 с.
10. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995. – 288 с.
11. Абрамов А.В., Дмитриев А.Е., Федорченко С.Н., Абрамова Ю.А. Политическая теория и современные политические реалии. – М.: Граф-пресс, 2012. – 260 с.